

УРАЛЬСКАЯ ДУША

I.

Может быть, и не совсем хорошо раскрывать, кое-какие домашние секреты, но дело это давнее, прошлое и Анна Сергеевна Новожилова с улыбкой вспоминает о детских годах сына:

— Такой он был непоседа, просто беда! Надо сказать, что мы терпально жили: мы не ахти как хорошо. Зарабатывала я немного, а сыновья у меня было двое.

Если вы помните, лыжи лет десять назад стоили пятнадцать рублей. Не купить, отказать в этом удовольствии Лене я не могла, а он, ну, обязательно за зиму пары три лыж на егошихъявском трамплине переломает. А то на такую гору заберется, страх! Помнится вниз сломя голову, упадет, и нет лыжи. Ну, не выдержит сердце, как придет он домой, возьму эту изломанную лыжу... ах, да что говорить, попадало сыжку. Или подумать только, летом, на Каме, нырнет с лодки, под пароход, да на другой стороне и вынырнет. Говорю я ему:

— Как тебе не совестно? Что же ты меня мучаешь?

— Да я закаляю себя, мама. Пере-
стал ты ахать. Ну, что это такое?

Шагу шагнуть не даешь. Девчонка. Я это ли?

В общем рос Леонид Новожилов не паянкой. Недаром товарищи прозвали его «хортом». Учился в 21 школе города Молотова не хуже и не лучше других, а вот в спорте был действительно всегда первым. В школе же вступил в комсомол и комсомольским званием дорожил по-настоящему. Но только из седьмого класса пришлось уйти ему работать на завод — больно уж тяжело приходилось матери. Поступил он на паровозоремонтный учеником, а уже через два месяца самостоятельно начал работать на токарном станке.

Вот здесь на заводе и застал его день 22 июня 1941 года. Отсюда ушел он добровольцем на фронт.

— Не плачь, мама, не бойся за меня. Я ведь сильный, а оставаться дома в такое время не могу. Писать буду часто...

И уехал.

Сколько юношей-уральцев уходило в те дни добровольцами на фронт! Вот так же проšlo, как ушел и Леонид Новожилов. Великая сила любви к Ро-

дине влекла их туда, на поле боя. Прости, выросшие на суровом Урале, с самого детства никогда не прятали своего лица от ветра и метели, не хорошились за спину товарища, а сами выходили навстречу непогоде. Таков был и есть обычай коренных уральцев.

Да, эти юноши росли не паянками. Они умудрялись купаться в весенней Каме, они спускались на самодельных плотах по бурным водам Чусовой, они забирались в неизведанную темень уральских пещер, в такие катакомбы, что казалось и век не выбраться оттуда, но они выбирались и украшали каменную глыбу, нависшую над входом в пещеру, своей фамилией.

Так с детства росли они волевыми, сильными людьми.

II

Дрался Леонид Новожилов под Москвой. В глубоком лыжном рейде под Калинин был ранен. Выздоровел и снова вернулся в строй. Он выдержал до конца, до победы великую Сталинградскую битву, дрался под Орлом, освобождал Белоруссию, Польшу, в жестоких боях бился под Кенигсбергом. Снова был ранен и снова выздоровел.

Заблестали медали на его груди, заалели орденца. Все дальше и дальше шел он на запад, вперед, к Берлину, бил врага нещадно, насмерть. Лютая печаль к немцам кипела в сердце русского воина. Сколько фронтовых дорог прошел он, сколько ночей мерз в землянках, в шалашах, сколько пота пролил он в жаркие дни на бескрайних белорусских дорогах. Но ни разу не повернул он лица от бури, ни разу не скоротился он за спину товарища, ни разу, в трескучий мороз, не отхлебнул из солдатской фляжки водки, чтобы не разделить последний глоток с другом. Так день за днем, месяц за месяцем воевал он, двадцатилетний коммунист Леонид Новожилов, старший сын Анны Сергеевны Новожиловой — работницы Молотовского промбанка.

Шла к концу война с немцами. По два по три, по четыре и более раз в ночь всеми цветами радуги расцвечивалось московское небо. Салют следовал за салютом и мир слышал торжественный голос из нашей столицы о новых и новых победах на фронтах.

Может быть и горько было именно в эти дни оставлять фронт, но приказ есть приказ. Леонид Новожилов командование решил напознать в Ленинград на высшие политические курсы.

Город Ленина приветливо встретил уральца. Начались дни большого и интересного учения. Обогащенный житейским опытом, много повидавший и почувствовавший, обстрелянный молодой воин жадно впитывал в себя знания.

Но вот новый приказ, и молодой офицер Красной Армии выезжает на Дальний Восток, на Тихий океан.

Лишь на пару деньков смог он остановиться по пути в родном городе Молодое, поспешить у матушки, побродить по знакомым местам и снова в путь, туда, где столько лет японские самураи мешали нам спокойно трудиться и жить.

III

Леонид Новожилов знал, что японцы с детства приучают к жестокости, что в японских казармах солдат методически обучают тому, как спокойно мучить и убивать людей. Знал он и о том, что самураи — верные друзья Гитлера, называют себя «пруссакими Дальнего Востока», а своих союзников по разбою — гитлеровцев, именуют «самураями запада». Он знал, что в голову каждого японца вдолблена мысль о том, что он, японец, принадлежит к расе «ямато», расе «богочеловеков», которая стоит выше всех народов мира и, окрыляемая божественной силой, непобедима в бою. Планы японских «божественных вояков» были известны — владеть восток до Урала. У них даже песня такая была сложена, и ее горлачили с одинаковым удовольствием и японские школяры и солдаты Квантунской армии:

... «И на вершине Урала водрузим
Знамя восходящего солнца,
А славян из старинной Мокквы
Мы прогоним в их леса».

Вот в этой Квантунской бандой разбойников предстояло встретиться на сопках Маньчжурии воинам Красной Армии, в ряды которых влился и он — паренек из города Молодое. Здесь совершил старший лейтенант Новожилов свой замечательный подвиг, который никогда не забудется.

Вот что рассказывает капитан И. Горпенко — командир того стрелкового подразделения, в котором все бойцы будут всю жизнь благодарны нашему земляку.

«... Однажды перед боем за город Саньсин в мое подразделение явился молодой офицер-артиллерист и четко отрапортовал:

— По приказу генерала наша батарея будет поддерживать вас в бою за город Саньсин. Артраведчик дивизиона, старший лейтенант Новожилов.

Начался бой. На нашем участке, — продолжает свой рассказ тов. Горпенко, — японцы не только обонялись, но и неоднократно переходили в контратаки. С диким криком «бацзай» они бежали на нас, низко прыгнувшись к земле. Положение для подразделения — создавалось критическое. И вот тут-то нас выручил этот молодой артиллерист-уралец.

Рискуя жизнью, он ползком выбрался на высоту, с которой хорошо просматривались позиции врага, и начал точно корректировать огонь своих гаубиц. Осколки наших же снарядов свистели над его головой. Положение еще более усложнилось, когда японцы получили новое подкрепление — до полтора рот пехоты и четыре пушки. С еще большим остервенением бросались они на наши рубежи. Но Леонид Новожилов попрежнему хладнокровно павал целеуказания, и шквал смертоносного огня отбрасывал самураев назад. Японцы заметили советского корректировщика. На его наблюдательный пункт они обруши-

ли весь свой огонь. Однако пули и осколки не могли достать артиллериста, засевшего в глубокой воронке. Тогда враг решил взять его живьем. Высотку, на которой находился Новожилов, японцы стали обходить с фланга. Новожилов имел возможность отойти в тыл, но он остался на своем посту. Он понимал, что отойти — это значит прекратить точный огонь батарей и поставить нас под удар врага.

Все теснее и теснее сжимали самураи свое кольцо. И вот тут-то Леонид Новожилов совершил подвиг, о котором никогда мы не забудем — он вызвал огонь своих же батарей на себя. Двадцать минут бушевало на сопке море огня. Японцы не выдержали. Они бежали, оставив на поле боя много трупов своих солдат и офицеров.

... Поздно вечером наши санитары нашли Леонида в воронке. Он был без сознания. В одной руке его зажат был пистолет, в другой — микрофон. Когда он очнулся, мы спросили его: почему он не отошел? И он ответил:

— Не мог я уйти. Не хотелось позорить память друзей. Они в таких случаях никогда не пасовали.

Сейчас Леонид отправлен в госпиталь. Врачи говорят, что он быстро должен выздороветь.

Спасибо ему, нашему дорогому товарищу — герою боев в Маньчжурии!».

Леонид Новожилов выздоровел и сейчас продолжает честно нести свою воинскую службу в одной из авиационных дальневосточных частей.

На днях пришло от него письмо матери, бодрое, теплое остроумное письмо. Трудно определить, откуда отправил он его. Может, с Южного Сахалина, может из славного Комсомольска, может с Курильских островов? Все может быть. Ведь где только за эти годы не побывали уральцы — верные сыны своего великого героического народа, народа-победителя.

С. СТРИЖОВ.